И.П. Магай, кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: imagay@bk.ru

ЭССЕИСТИКА ПРОТИВ ПУБЛИЦИСТИКИ: НОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

В статье автор анализирует новые тенденции развития жанров в российской журналистике, связанные с возрождением эссеистики и ее интенсивным проникновением в СМИ. Взаимовлияние СМИ и жанровой формы стало причиной трансформации и журналистики и эссе. В первом случае под влиянием экспансии эссе диктатура публицистики оборачивается демократическим сосуществованием ее с эссеистикой; во втором — под влиянием СМИ меняется жанровая форма, приобретая новые черты. Исследование особенностей современного эссе позволяет наглядно представить модель этого произведения, что имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Ключевые слова: *эссе, публицистика, журналистика, демократизация, жанры.*

In the article the author analyses a new tendency of development of genres in Russian journalism connected with regeneration of the essay and its intensive penetration into the mass media. The interaction of the mass media and the genre transformed both the journalism and the essay. In the first place dictatorship of the «publicism» become democratic coexistence of the «publicism» and the essays. In the second place the essay has changed and acquired new signs. The research peculiarity of the modern essay allow to imagine the model of the work. It has got both theoretical and practical importance.

Key words: *essay, publicism, journalism, democratization, genres.*

Нам уже доводилось писать о феномене эссеизации журналистики, под которой подразумевается, с одной стороны, все возрастающая доля эссе в общем потоке публикаций, а с другой — массовая экспансия жанровых его особенностей в сопредельные ему традиционные журналистские жанры [Магай, Лукина, 2007, с. 140]. Как остроумно заметила Л.Г. Кайда, «эссеистика сегодня — это в большой степени “благородная” болезнь: комплексом эссеиста заражены все, и пишут они обо всем в стиле “ну, так сказать, как бы типа эссе”» [Кайда, 2008, с. 95].

Несомненное преобладание именно таких текстов в современном медиапространстве представляет собой важную научно-практическую проблему и является своеобразным вызовом практикам, побуждающим овладевать технологией в соответствии со спецификой жанра, и теоретикам, пытающимся постичь зыбкую и ускользающую от определений природу этого жанра.

Возрождение жанра

Последние годы примечательны крепнущей тенденцией к тотальной эссеизации журналистики, которая особенно очевидна, если учесть, что эссеистика долгое время была в полной мере вытеснена из коммуникационного оборота вездесущей публицистикой, как чуждое для нашей почвы «пересадное растение», как какая-нибудь агава среди родных лопухов. Даже само слово «эссе», широко распространенное на Западе, в нашей стране употреблялось разве что историками зарубежной литературы и журналистики.

Избегали обозначать им то, что они создавали, и сами журналисты. «А какой это жанр..., — размышлял над написанным В. Песков. — Репортаж? Да, пожалуй. Очерк? Возможно. Статья? Что-то и от статьи. Исследование? Иногда и это бывает. Но чаще это какой-то сложный гибрид, нередко называемый словом “эссе”. Это слово, так же, как и слово “хобби”, почему-то не полюбил. А по-русски не знаю, как и назвать»[1].

Балом правила публицистика (от лат. publicus — «общественный») — «литература по общественно-политическим вопросам современности». Говоря об удельном весе такого рода произведений, М. Горький отмечал: «...преимущественное насыщение большинства очерков — публицистика»[2] [Горький, 1980, с. 117].

Мы долго и справедливо гордились этим уникальным явлением отечественной прессы. Неудивительно, что подняться на ее вершины считалось доблестью, к которой подвигала волонтеров пера система преподавания на факультетах журналистики, пример товарищей по цеху, система оценки труда в редакциях и номинации в литературных конкурсах.

Сегодня ситуация изменилась коренным образом. Литературная форма, долгое время прозябавшая на периферии отечественной культуры, становится популярным трендом, обозначая и отражая новую тенденцию в общественной жизни — моду на эссе. Само это понятие стало расхожим и прочно укоренилось в повседневном обиходе. Эссе утвердилось неотъемлемой частью учебного процесса: студенты и школьники пишут его вместо традиционных рефератов. Эссеистика теснит научные трактаты и монографии и привлекает внимание мастеров художественного слова.

Наконец, в СМИ она успешно конкурирует с публицистикой, вытесняя ее не только из повседневной журналистской практики, но и из номинаций всякого рода литературных конкурсов. В 2000 году в России впервые именно «за эссеистику», а не за публицистику

[1] *Песков В.* В чем журналистское счастье? // Журналист. 1980. № 7. С. 23.
[2] *Горький М.* О литературе. М., 1980. С. 117.

Л. Рубинштейну была вручена Малая Букеровская премия за цикл публикаций «Случаи из языка» в журнале «Итоги», вышедший затем отдельной книгой.

В том, что эссе сейчас чрезвычайно популярно, лишний раз убеждает Интернет огромным количеством ссылок, выдаваемых поисковыми системами на запрос «эссе». В сети живо обсуждаются проекты эссеистских журналов, проводятся конкурсы эссе, работают литературные «эссе-клубы». Наконец, каждый зарегистрированный пользователь может завести свою личную страничку, так называемый «живой журнал», в котором главное эссе — жанр, сочетающий подчеркнуто-индивидуальную позицию автора с непринужденным, часто парадоксальным изложением, ориентированным на разговорную речь.

Такое оживление эссеистики объясняется в конечном счете влиянием социально-исторических факторов, определяющих информационные потребности людей. «Различие в интересах народов и изменения, вносимые в эти интересы временем, вызывают перемены во вкусах»[3]. Стремление редакторов и журналистов удержать на плаву свои издания, вынуждает их публиковать то, что сообразуется с этими вкусами и пользуется наибольшим спросом. И сегодня это уже не политика с ее острой социальной направленностью, сосредоточенностью на общественных проблемах. Современного читателя интересует иное: проблемы повседневной, частной жизни выходят на первый план в его предпочтениях. «Вместе со снижением уровня политизации сознания снизилась и острота интереса российского читателя к политической информации о событиях, — отмечают современные исследователи, — Структура читательских интересов явно приняла более “земной”, житейски ориентированный характер» [Реснянская, Фомичёва, 1999, с. 203].

Доминирующим становится интерес к явлениям и проблемам, близким читателю просто по его человеческой сущности. Он появляется, когда речь заходит о решении домашних дел, вопросах семейного бюджета и других повседневных заботах. Все, что выходит за пределы обеспечения повседневных нужд своей семьи, будь то проблемы общественного устройства или международных отношений, оказывается вне поля зрения современного среднестатистического россиянина, который воспринимает происходящее в стране и мире как что-то факультативное по отношению к главному.

В связи с этим и возникает необходимость в эссеистике, цели и задачи которой обозначены рамками повседневной человеческой жизни. Заявляя о том, что он не ставил себе никаких иных целей,

[3] *Гельвеций К.* Об уме // Памятники мировой эстетической мысли. М.: Искусство, 1964. Т. 2. С. 349.

кроме семейных и частных, первый «официальный» эссеист Европы концентрировался вокруг соответствующих тем, не гнушаясь самых ничтожных мелочей. «О лжецах», «О запахах», «Об искусстве вести беседу», «О дружбе», «О добродетелях», «О воспитании», «О предсказаниях», «О книгах», «О большом пальце руки» и т.д. — вот характерные названия «Essais» М. Монтеня, писавшего практически обо всем, что связано с человеком.

С радикальными общественными переменами, когда меняется весь уклад человеческой жизни, рядовые россияне испытывают потребность в жанровых формах, которые не просто утоляют интерес к явлениям и событиям повседневной жизни, но и помогают читателю определиться в ней, найти себя в этой новой, такой непривычной повседневной реальности.

Эссеистика устремляется в пространство повседневной жизни людей, превращая его в сферу обучения, отводя себе роль наставника в этой сфере, помогая читателю «выстроить» свою собственную жизнь. Это наложило свой отпечаток на ее функциональное своеобразие. Монтень считал, что функции создаваемого им произведения, реализуемые на собственном примере, — «жизнестроительные». Процесс создания эссе был для него одновременно процессом и способом рассуждения о жизни, прежде всего собственной: «Жить — вот мое занятие и мое искусство»[4].

Эссеист последовательно культивирует определенный образ жизни «согласно разуму»; говоря словами С. Аверинцева, его литературная деятельность в его собственных глазах представляет собой нечто относительно второстепенное и непременно равняется на этот образ жизни [Аверинцев, 1973, с. 47]. Вот почему «все эссе... говорят о том, что делать хорошо, что делать дурно и чего не следует делать ни при каких обстоятельствах»[5].

Потребность в практической «наладке» своей собственной жизни в спектре читательских интересов неразрывно связана с ее осмыслением. «Помоги мне разобраться в моей жизни, освети, научи» — вот самая серьезная мысль, с какою может читатель обратиться к писателю; думаем даже, что это есть единственная серьезная мысль, на которой может истинно скрепиться их общение... Человек уединяется для чтения, чтобы на минуту оторвавшись от частностей, от подробностей своей жизни, своих тревог, обнять их в целом, понять эту жизнь в ее общем значении...»[6].

У простых россиян появился аппетит к анализу, который публицистика, придерживающаяся принципов объективного исследова-

[4] *Монтень М.* Опыты: В 3 кн. М.: Голос, 1992. Кн. 2. С. 53.

[5] *Эко У.* Предисловие // Эко У. 5 эссе на темы этики. СПб., 2003. С. 32.

[6] *Розанов В.В.* О Достоевском // Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. М.: Республика, 1996. С. 277.

ния общественных проблем, удовлетворить не может. Нравственные проблемы недоступны социальному анализу, на котором основана публицистика. Они обсуждаются в рамках особой духовной деятельности, которую со времен Античности принято называть философией. Только такое философское осмысление жизни может вскрыть нравственную подоплеку житейских событий и явлений, облегчая читателю поиск морально-этических ориентиров, подводя его к пониманию смысловых и ценностных оснований человеческой жизни.

Эссеистика и в этом смысле становится действенным подспорьем читателю. Философствование — генетический код этой жанровой формы, посвященной сокровенным вопросам человеческого бытия. Монтень понимал «салонную» философию эссеиста не как науку, подчиненную задаче сущностного постижения общества и мира, а как размышление о человеке и его месте в мире как единственно возможном методе миропостижения.

Таким образом, с крутыми переменами во всем укладе человеческой жизни рядовые россияне испытывают потребность в жанровых формах, которые касаются их повседневных забот и непосредственно связаны с разумной организацией их собственной жизни, ее осмыслением, с поиском нравственных ориентиров. Необходимость следовать вкусам аудитории, подстраиваться под интересы читателей спровоцировали подлинный расцвет эссеистики. Литературная форма, вынесенная на поверхность общественной потребностью, выдвигается на передовые позиции в газетах и интернет-изданиях, занимает господствующие высоты в иллюстрированных еженедельниках и глянцевых журналах, которые в массовом порядке обзавелись одноименными рубриками и разделами. Эссе стало обязательной и неотъемлемой частью СМИ.

СМИ: смена парадигмы

Эссеизация журналистики и связанное с ней взаимовлияние жанровой формы и СМИ качественно изменили и то и другое, положив начало новому этапу как в развитии журналистики, так и самого эссе.

Массовое распространение эссе в потоке журналистских текстов перекраивает «жанровую карту» современных СМИ: монопольное положение традиционной публицистики — «литературы по общественно-политическим вопросам современности» сменяется ее сосуществованием с эссеистикой, цели и задачи которой определяются частными темами и проблемами повседневной жизни.

Такой симбиоз в значительной степени меняет и функциональные особенности, и контент, и методы современных СМИ. Так,

функция политического воспитания, свойственная публицистике, перестает быть единственной и главной в журналистике. Она сочетается с характерными для эссе «жизнестроительными» (Монтень) функциями создаваемого произведения. Благодаря эссеистике, современная журналистика устремляется не только в политику, но и в повседневную жизнь людей, культивируя образ жизни «согласно разуму».

Функциональное своеобразие СМИ превращает их в средство вовлечения людей в обсуждение не только «общественно-политических вопросов современности», но и проблем повседневной, частной жизни, коренным образом меняя информационную основу современной журналистики. Совмещая публицистику и эссе, она становится литературной частью не только политики, но и повседневной жизни. Сужая пространство политической информации, она отражает, вскрывает пласты повседневного человеческого существования, уходя от былой чрезмерной политизированности, которая вывела за пределы досягаемости читателя целый разряд явлений жизни, интересных ему просто по его человеческой сути.

Современный журналист, говоря словами В.Г. Белинского, придает явлениям постоянным, ежедневным, фактам личной жизни, их причинам и законам такое же значение, какое публицисты — «историки современности» придают явлениям общественной жизни народов[7]. Например, в арсенале политического обозревателя «МК» Юлии Калининой рядом с привычной для нее публицистической «Злобой дня» — регулярная колонка «Суп да дело», которая смотрит на «жизнь глазами домохозяйки», рассуждающей о самых животрепещущих каждодневных фактах. «Новости нашего дурдома», «Глупая совесть», «Как спасти свои деньги», «Дорогие вещи», «Разжигание национальной дружбы» — материалы, особенностью которых является ориентация разговора на жизнь, наполненную повседневными заботами и проблемами.

Сочетание эссеистики и публицистики меняет контент и, с точки зрения сущностного знания, содержательной основой СМИ становится не только политическая суть событий в мире и обществе, но и нравственная подоплека житейских событий и явлений, связанных с человеком. Проблематика морального и этического плана позволяет журналисту подвести читателя к пониманию смысловых и ценностных оснований человеческой жизни. Вот почему в журналистике сегодня находят ориентиры не только в политике, но и в море житейском.

Современные СМИ становятся средством не только трансляции политических ценностей, политического просвещения, но и

[7] *Белинский В.Г.* Избранные эстетические работы. Т. 2. М.: Искусство, 1981. С. 323.

распространения живых человеческих ценностей, нравственного воспитания. Как известно, именно эта функциональная особенность изначально закладывалась в основу эссе, которая становится органической частью газет и журналов, делегируя им тем самым свои полномочия. Продвигая этот жанр в прессе, «The Tatler» («Болтун») (1709—1711) в каждом номере публиковал эссе, целью которого, по словам владельца издания сэра Ричарда Стила, было «проповедовать правду, целомудрие, доблесть и добродетель как основные жизненные ценности» [Берёзкина, 1984, с. 116].

Совмещение эссеистики и публицистики означает и сочетание различных форм и методов анализа, хотя и в том и в другом случае цель пишущего подчинена задаче сущностного отображения своего предмета.

Благодаря эссе инструментальной базой СМИ становится не только политический анализ общественных проблем, основанный на социальной науке, но и характерное для эссе философское осмысление человеческой жизни, размышления о ее смысловых и ценностных основаниях. К традиционному социальному анализу, который привлекается публицистикой при рассмотрении общественных проблем, СМИ «добавляют» философствование как метод, отличный от традиционного социального анализа.

При этом быт и свое окружение человек должен рассматривать с философской дистанции, а прошедшие эпохи, философские учения и идеи — с позиции житейской. Это понимание Монтенем философствования как метода нашло свое отражение в жанре эссе, а значит и в СМИ, в которые этот жанр встроен. Специфика метода делает философию более близкой, конкретной и понятной, применимой к жизни. Благодаря эссе в современной журналистике нашла себе пристанище научная дисциплина, всегда считавшаяся чем-то абстрактным и бесполезным. «Странное дело, — сокрушался по этому поводу Монтень, — но в наш век философия даже для людей мыслящих всего лишь пустое место, которое, в сущности, ничего не означает; она не находит себе применения и не имеет никакой ценности ни в чьих-либо глазах, ни на деле»[8].

Добавляя к социальному анализу публициста философское осмысление нравственных проблем, современная журналистика выводит на авансцену человека. Монтень понимал «салонную» философию не как науку, подчиненную задаче сущностного постижения общества и мира, а как размышление о человеке и его месте в мире. То есть эссе имеет не позитивистскую, а, скорее, литературно-гуманитарную направленность, часто сознательно противопоставленную научному видению мира, вторичному в рамках

[8] *Монтень М.* Опыты. Кн. 2. С. 206—207.

эссе. Этот жанр не столько средство познания мира, сколько способ рассуждения о себе и о своей жизни, дающий возможность познать, осмыслить не только мир, но и, главным образом, себя, свое место в нем.

С большой чуткостью улавливая безразличие науки к индивидуальному целостному облику человека, Монтень хочет видеть в каждом высказывании прежде всего собственные индивидуальные черты говорящего. По его мнению, писания Плутарха достойны похвалы именно потому, что «если внимательно вчитаться в них, раскрывают нам его с самых разных сторон, поэтому мне кажется, — говорит он, — что я знаю его насквозь»[9].

В современной журналистике кроме автора объективного исследования, который целиком растворяется во внеличностной точке зрения, «прячется» за ней будучи человеком, появляется автор, который не только пытается занять самостоятельную позицию по отношению к существующей культуре, к материалу его изображения, но и открывает себя как человека. Эссе означает организацию произведения вокруг образа одного конкретного человека — автора эссе, что может быть полезно и интересно читателю как пример. В эссе «автор через все говорит о себе, взятом в приватном, частном модусе» [Соломеин, 2003]. «Содержание моей книги — я сам», «я рисую не кого-либо, а самого себя», — так представил миру свое право на «частный модус», отличный от другого, публичного, повествуя «о своей сущности в целом, как о Мишеле де Монтене, а не как о философе, поэте или юристе»[10].

Процесс публицистического познания какого-то внеположного предмета в современной журналистике дополняется авторским осмыслением своего «я», сводящим значение эссе к словесному выражению собственного психологического состояния, когда «автор использует себя в качестве объекта анализа тех или иных факторов душевного опыта» [Гинзбург, 1987, с. 2].

Постижение сути вещей эссеистом — это путь самоанализа, носящий, в конечном счете, медитативный характер (от франц. «размышление»). Для эссеиста «размышление — могущественный и полноценный способ самопознания»[11].

Классическая наука с ее традиционным категориальным аппаратом, описывающим в основном внешнюю по отношению к субъекту реальность, оказывается малопригодной для описания самого субъекта в качестве онтологической реальности. Возможность вглядеться в глубины собственного «я» человеку предоставляет постмодернистская философия [Поелуева, 2004, с. 28—29].

[9] Там же. С. 149.
[10] Там же. Кн. 1. С. 5.
[11] Там же. Кн. 3. С. 278.

Таким образом, современная журналистика представляет собой сочетание классической науки (со стороны публицистики) и постмодернизма (со стороны эссеистики). Эссе существенно отличается от публицистики, как особая форма знания, связанная с постмодернизмом, с его критическим отношением к научному мышлению. В той же степени, в какой постмодернизм, как направление современной философии, искусства и науки, противостоит классическим системам, в которых мысль движется в чисто дискурсивной сфере, в логике саморазвивающихся понятий, эссе противостоит традиционным научным трактатам. Не случайно в XVII — первой половине XIX в., определявшихся дискурсивными системами Декарта, Канта и других мыслителей, эссеистика оставалась на периферии общефилософского развития, а примерно с середины XIX в. постклассическая, постмодернистская философия, напротив, характеризуется ее растущей эссеизацией. И, например, Кьеркегор и Ницше, во многом определившие пути западного философствования в XX в., писали не систематические трактаты, а литературно-метафизические опыты.

Таким образом, эссеизация современных СМИ трансформирует их настолько, что можно говорить об очевидной смене парадигмы: вместо диктатуры публицистики — демократическое сосуществование ее со стремительно набирающей вес эссеистикой.

«Салонный» жанр на шумных перекрестках

Эссеизация СМИ, взаимовлияние журналистики и эссе в значительной степени трансформирует не только современную журналистику, но и жанровую форму. Современное развитие эссе характеризуется демократизацией жанра. В этом смысле СМИ, в которых оно укоренилось, существенным образом изменили природу и феноменальные качества эссе, став механизмом этой демократизации.

В отличие от публицистики, эссе рождалось не на полях идеологической брани, а в светских салонах, ставших центрами притяжения различных групп аристократии и боровшихся за престиж в правительственных центрах [Коллинз, 2002, с. 783—784].

Таким образом этот «светский» жанр, формировавшийся на салонном коммуникативном пространстве, был рассчитан на ограниченный круг завсегдатаев светских салонов.

Благодаря СМИ, узкий круг читателей, которым изначально предназначалась интеллектуальная продукция, сменился массовой аудиторией, которую СМИ предоставили в распоряжение эссе. С учетом Интернета, многократно перекрывающего многотысячные тиражи бумажных изданий, — это миллионы читателей ежедневно.

Эссеистика сегодня, как и публицистика, обращена к массовой аудитории.

Природа современного эссе в том, что оно доступно любому. И любому, кому оно доступно, моментально дает права читателя. Это и привело к колоссальному приросту, умножению читательских рядов. СМИ предоставили уникальные возможности для того, чтобы эссеистика стала достоянием широкой общественности. Экзотический жанр стал привычным информационным продуктом «шаговой доступности». Камерное произведение превратилось в продукт массового потребления, ориентированный на широкого читателя. Предоставляя в распоряжение эссе свою массовую аудиторию, СМИ тем самым приохотили огромные массы людей к чтению эссе, вовлекая их в обсуждение нравственных проблем, подключая к духовной жизни общества в качестве читателей.

Демократизация читательской аудитории сопровождается демократизацией авторства. Касаясь истории возникновения этого жанра на Западе, исследователь замечает, что «для эссе типична кабинетная обработка любых общих вопросов, начитанность и нарастающее на ее почве философское обобщение» [Журбина, 1957, с. 23]. Естественно, такое было доступно немногим. Аттестуя героиню одного из своих рассказов, талантливую провинциальную эссеистку, О. Генри пишет: «Она воспитывалась дома, и ее знание света основывалось на умозаключениях и интуиции. Из таких людей и состоит малочисленная, но драгоценная и редкая порода эссеистов»[12].

СМИ сняли налет элитарности с занятия, всегда считавшегося уделом избранных. Современная эссеистика становится доступной каждому, кто претендует на активное участие в духовной жизни и прибегает к эссе как наиболее адекватной литературной форме такого участия. Отмена идеологического единомыслия, развитие частной инициативы в стране открыли новые возможности для творческой реализации граждан. Сильно возросло количество «салонных» философов — образованных людей, способных свободно размышлять над «последними» и «вечными» вопросами человеческого бытия.

Эссеистика становится поистине массовым занятием. Благо, газеты отводят для этих целей специальные «площадки»: от ежедневной рубрики «Свободная тема» или «Злоба дня» в массовом «Московском комсомольце» до «Я так вижу», «Карт-бланш» в «Независимой газете» или «Мнения и комментарии» в «Коммерсанте». Еще большие возможности в этом смысле предоставляет Интернет с помощью блогов, социальных сетей, форумов и других способов выражения обеспечивающий сетевую свободу мнений.

[12] *Генри О.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М., 1954. С. 334.

Авторами этих рубрик становятся не только записные литераторы, известные эссеисты вроде лауреата Нобелевской премии Орхана Памука[13], но и самые обычные газетчики, охотно маркирующие свои произведения словом «эссе», которого прежде старательно избегали.

Эссе обрело популярность не только в журналистской среде. К этому жанру обращаются и люди других, самых разных профессий. Так, в «Свободной теме» в «Московском комсомольце» своими впечатлениями и переживаниями по самым разным поводам могут поделиться экономист и школьный учитель, депутат и юморист, посол США и артист, протоиерей и машинист Московского метрополитена.

Еще большие — в разы! — возможности предоставляет в этом смысле Интернет с его миллионами авторов ежедневно, который технически наделяет каждого свободой высказывания. Природа Интернета в том, что он доступен любому. И любому, кому он доступен, моментально дает права не только читателя, но и автора. Ведь свои эссе в сети может выложить каждый зарегистрированный пользователь. По словам обозревателя «Columbia Journalism Review» Мэт Уэлч, «технология блогинга впервые в истории дала среднестатистической Джейн способность писать, оформлять и публиковать свой собственный информационный продукт»[14].

Таким образом, благодаря СМИ эссе становятся средством вовлечения все большего числа людей в обсуждение нравственных проблем не только в качестве читателей, но активных авторов, превращая «человека частного» в публичную фигуру, а их совокупное мнение, облеченное в форму эссе, в vox populi («глас народа») говоря языком рубрики в «Аргументах и фактах». Только не по поводу политики, как прежде, а по поводу нравственных проблем. Давая возможность каждому высказываться по самым разным поводам, газетная или журнальная рубрика или ЖЖ в сети возрождает тем самым традиции «персонального журнализма».

Наконец, третий аспект демократизации эссе связан с тем, что она сопровождается демократизацией коммуникативного пространства, объединяющего авторов и читателей. Благодаря СМИ, эссеистика лишилась прежней элитарной замкнутости, из гостиных шагнула на шумные перекрестки. С многократным возрастанием количества людей, претендующих на участие в духовной жизни в качестве читающих и пишущих эссе, расширяется и зона взаимодействия между ними. «Салонное коммуникативное пространство», на котором когда-то формировалось эссе, сегодня превращается в массовую коммуникацию.

[13] См.: Памук О. эссе «Поцелуи в Венеции», «посвященное русским женщинам и наступившей весне» (Московский комсомолец. 2012. 7 марта).

[14] Блог-пост на пути к успеху // Карьера. 2005. Сентябрь. № 9.

Демократизация коммуникативного пространства означает не только его глобализацию, но и его качественную трансформацию за счет трансляции, переноса в эту зону качеств «салонного коммуникативного пространства», на котором изначально формировалось эссе. Салонное общение, становясь массовой коммуникацией, сообщает ей при этом свои исконные черты, способствующие обмену мнениями «по поводу истины и ее поисков» [Соломеин, 2003].

Салоны, вокруг которых сосредоточивалась интеллектуальная жизнь, были местом проведения светского досуга. Их изначальное предназначение — дружеская беседа, непритязательная «светская болтовня», общение круга друзей и единомышленников в непринужденной обстановке, получение взаимного удовольствия от общения друг с другом. Салонное пространство соединяло опыт нравственного осмысления с опытом дружеского общения. Это качество, переданное «по наследству», определяет характер самого процесса современной массовой коммуникации и взаимоотношения между его многочисленными участниками.

Демократизация коммуникативного пространства, оборачиваясь ситуацией массового диалога, безусловно, связана с отказом от категоричного и безоговорочно-непререкаемого слова к демократической манере. Меньше всего оно «представляет собой попытку аргументации и убеждения, при которой автор обращается к читателю как оратор к аудитории» [Sholes, 1989, p. 36]. В стиле салонной беседы как формы интеллектуального общения, утверждающейся в массовой коммуникации, важна не просто выраженная позиция автора, но и его частная ориентация на собеседника, включение его в систему произведения, которое создает атмосферу доверительной беседы, откровенного разговора.

При этом «возрастает в цене» способность эссеистов размышлять в непринужденной, часто парадоксальной форме. «В салоне были недопустимы утомляющие скрупулезность и дотошность, и все то, что ассоциировалось с ученым академическим занудством» [Соломеин, 2003].

Современное массовое коммуникативное пространство, воспринимая черты салонного коммуникативного пространства, смешивает многочисленных авторов и читателей, превращая их в равноправных партнеров, собеседников. Это особенно очевидно в интернет-пространстве, где вообще нет характерного для традиционной журналистики разделения на только пишущих и только читающих. Если бумага или телеэкран еще делят людей на авторов и публику, то Интернет их смешивает.

Интернет, персональная рубрика в газете доступны любому. И любому, кому он доступен, дает права и автора и читателя одновременно, обеспечивая тем самым возможность проявить себя попеременно и в качестве писателя и в качестве читателя в процессе своеобразной «переписки», представляющей собой обмен эссеистскими текстами. Особенно ярко это проявляется опять же в глобальной Сети, где живое общение протекает в режиме реального времени.

Соответственно эссе становится текстом массового общения, конкретным инструментом, который обеспечивает совместную рефлексию. В этом термине выделяются две стороны: рефлексия (размышление, поиск путей решения проблем) и совместность (обоюдность, диалогичность, взаимодействие). Участие в ней посредством эссе подразумевает не просто возможность публично высказывать позицию, но и объединяться с единомышленниками для обмена мнениями, для распространения и артикуляции своих взглядов. Эссе становится литературным средством публичного общения, позволяющим людям участвовать в происходящих событиях в стране и в мире, пусть и на уровне всего лишь обсуждения.

Портрет «философского» жанра

Сосуществование эссеистики и публицистики в современной журналистике помогает глубже постичь природу эссе в сравнении с чрезвычайно близким ему жанром: публицистика, по меткому замечанию Теодора Адорно, «превращенная эссеистика». Каковы же основные отличительные признаки, обозначающие специфику жанра эссе?

В отличие от публицистического произведения, основанного на традиционном социальном анализе, эссе — не научное знание, подчиненное задаче сущностного постижения общества и мира, а философское размышление о человеке и его месте в мире. При этом автор использует себя в качестве объекта анализа и изображения.

Если автор публицистического исследования целиком растворяется во внеличностной точке зрения, у эссеиста появляется образ автора, который открывает себя как человека. При этом уже готовые знания, в том числе накопленные разными областями науки, используются для создания «порядка» души, для истолкования душевной жизни. Монтень рассказывает о содержании прочитанных книг, о нравах и обычаях разных народов и о многом другом, но все это превратилось бы в комментарий, в сумму выписок и цитат, если бы не возвращалось каждый раз к истоку — к образу личности, многое понимающей и приемлющей, но ни к чему не сводимой.

Творчество эссеиста в отличие от публицистического — не только и не столько процесс анализа какого-то внеположного предмета, сколько осмысление своего «я», сводящее значение эссе к словесному выражению собственного психологического состояния, т.е. от публицистического произведения эссе отличается направленностью вовнутрь, а не вовне: эссеист наблюдает не столько за тем, что происходит во внешнем мире, сколько за тем, как его душа реагирует на происходящее. Именно внутренний мир автора является той сценой, на которой разворачивается событие эссе.

Публицистика основана на объяснении мира. Эссеистика отказывается от объяснения в пользу впечатления. Эссе — разновидность очерка, в котором главную роль играет не воспроизведение факта, а изображение впечатлений, раздумий и ассоциаций по поводу этого факта. Эссеист, строго говоря, не анализирует, не «расщепляет» предмет. Он лишь размышляет «по поводу». Эссе — это размышление «по поводу» чего-то. Заглянул человек в музей и увидел картину или раскрыл книгу и задумался. Или — встретил по дороге процессию плакальщиц или ватагу цыган и вдруг возникла мысль «о...». Если мыслящий умен и умеет изложить свои мысли в изящной форме, — выходит эссе.

Размышлять «по поводу» — это означает «брать феномены так, как они даются»[15]. Мышление эссеиста не означает унификацию, объяснение явления при сведении его к общему, высшему принципу. Востребованным предметом размышления в эссе, основанном на опыте автора, являются не родовые, а единичные объекты, в единственности относящихся к нему атрибутов и предикатов. Такое мышление прямо обращается к предмету, который заключает все необходимые данные для теории в самом себе, в том, как о нем говорят и как он являет себя. Оно разворачивает свойства каждого конкретного предмета в систему понятий о нем, в конечном счете указующих на сам этот предмет за пределами понятий.

Если автор традиционной статьи пробует мысленно конституировать единство мира, то эссеист развертывает предмет из него самого, извлекая из любого предмета его собственную теорию. Мышление эссеиста хочет полностью освоить, «осмыслить» свой предмет, пытаясь вместе с тем удержать его единичность, несводимость к мышлению. Последний акт размышления — это предъявление самого предмета в окружении всех его описаний. Эссеисты отказываются от классического рационализма и в том плане, что автор эссе при этом не сводит его к чему-то единому: «Выводы, к которым мы пытаемся прийти, основываясь на сходстве явлений,

[15] *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука: В 2 кн. Кн. 1. М., 1997. С. 27.

не достоверны, ибо явления всегда различны: наиболее общий для всех вещей признак — их разнообразие и несхожесть»[16].

Размышлять «по поводу» — означает «брать феномены так, как они даются, то есть вот это текучее осознание, мнение, обнаружение, чем являются феномены»[17]. Если точка зрения автора публицистической статьи конституирует объективное знание о предмете, которое относится к утверждениям, поддающимся проверке и претендующим на истинность, то точка зрения эссеиста выступает в форме мнения по поводу предмета, рассматриваемого как суждение, не предполагающее обязательную истинность того, что человек утверждает, и не претендующее на истину в последней инстанции. «Мое мнение о них (о вещах. — *И.М.*) не есть мера самих вещей, оно лишь должно разъяснить, в какой мере я вижу эти вещи»[18].

Мнение, как присущий эссе характер размышления, предполагает опору на индивидуальный опыт автора, который говорит лишь о том, что известно ему на основании собственного опыта, т.е. пережитого и усвоенного человеком, ставшего частью его индивидуального целостного мира. Если основоположники научного метода познания развивали идею опыта как эксперимента и обосновывали возможности перехода от него к обобщающим суждениям, утверждающим основы научного знания, то для эссеиста опыт — единственный достоверный источник истинного знания о чем-либо.

В противовес попытке мысленно конституировать единство мира, свойственной науке и опирающейся на нее публицистике, автор эссе старается воспроизвести целостный опыт одного человека, противопоставленный специальным знаниям. Анализируя категорию опыта в его противопоставленности специальному знанию, онтологии, Х.-Г. Гадамер обосновал специфику и сущность опыта так: «...общее познается только внутри самого опыта, а не через его обобщение»[19].

В отличие от теоретического анализа и обобщающего синтеза накопленного материала, не углубляющегося в человеческий опыт публициста, эссе — способ организации собственного опыта автора. Автор эссе идет по пути наиболее полного охвата эмпирического материала, стараясь воспроизвести целостный опыт одного человека. «Он, собственно, не размышляет, — пишет Т. Адорно, — а предоставляет сцену духовному опыту» [Adorno, 1975, p. 48].

В этой связи понятие опыта приобретает особую важность. В американских и английских исследованиях нередко предпринимаются попытки определять жанр исходя из этого буквального

[16] *Монтень М.* Опыты. С. 330.
[17] *Гуссерль Э.* Указ. соч. Кн. 1. М., 1997. С. 27.
[18] *Монтень М.* Опыты. Кн. 1. С. 85.
[19] *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М.: Наука, 1988. С. 414.

значения французского слова. Да и в отечественной литературе слово «эссе», помещенное в заглавие книги М. Монтеня и давшее название литературному жанру, переводится как «опыты».

Эссеист в отличие от публициста не стремится логически обосновать свою точку зрения, дать исчерпывающую трактовку предмету, обозначив как итог выводы и обобщения. Эссе «не призваны дать некую афористическую выжимку из них; они выступают как воплощение, запечатление в слове самого хода и метода наблюдения»[20].

Мышление эссеиста отличается от дискурсивной логики статьи процессуальностью поиска истины, тем, что оно не утверждает саму мысль, а передает естественный процесс думания. Размышление эссеиста — это приключение мысли «по поводу» чего-то. «Я излагаю свои мысли по мере того, как они у меня появляются; иногда они теснятся гурьбой, иногда возникают по очереди, одна за другой. Я хочу, чтобы виден был естественный и обычный ход их, во всех зигзагах. Я излагаю их так, как они возникли...»[21].

В этом описании особенную ценность представляют наблюдения Монтеня над работой своего сознания: он не только размышляет по поводу тех или иных понятий, предметов, но и наблюдает за процессом движения своей мысли, направляя ее в собственные глубины, ловя мгновения ее зарождения и развития, проверяя в соположении с известными суждениями и пытаясь не упустить ни единого ее движения. «Я изображаю главным образом мои размышления — вещь весьма неуловимую и никак не поддающуюся материальному воплощению»[22].

Истина эссеиста в сравнении с истиной публициста требует для своего постижения специфической направленности самосознания. Самое интересное у Монтеня — его наблюдения за работой собственного сознания, которое, размышляя «о...», подмечает поступательный характер движения мысли. Именно акт самосознания, наблюдение за движением мысли — наиболее важное завоевание Монтеня, ставшее специфической составляющей эссе. Основным исходным пунктом этого жанра стал принцип познания человеком одновременно мира и своего сознания об этом мире.

Публицистическая статья — это жанр, трактующий проблемы в систематизированном, научном виде. Она основана на классических системах, в которых мысль движется в чисто дискурсивной сфере, в логике саморазвивающихся понятий.

Эссеистское знание — антипод и альтернатива традиционному анализу, основанному на априорном отрицании самой возможно-

[20] *Коган-Бернштейн Ф.А.* Мишель Монтень и его «Опыты» // Монтень М. Опыты. М., 1979. Т. II. С. 352.
[21] *Монтень М.* Опыты. Кн. 2. С. 82—87.
[22] Там же. Кн. 1. С. 52—53.

сти свободного взгляда «за грань» понятий и образов, не втиснутого в рамки «закона» поиска истины. Отделяя эссе от науки, онтологии, на которой базируется публицистика, Т. Адорно рассматривает его как свободную трактовку какой-либо проблемы. «Сопротивление систематическому каталогизированию, — пишет Т. Адорно, — дает эссе возможность завоевать свободу духа» [ibid., p. 48].

Эссе противостоит систематическому научному рассмотрению вопроса, трактуя проблемы в свободной форме, когда пишущий имеет возможность переходить от одной мысли к другой, от одного эпизода к следующему, связанному с предыдущим лишь ассоциативной связью. Это позволяет автору соединить «все со всем», привлекать по ассоциации явления разных житейских и литературных контекстов. Неожиданные переходы, попутные мысли, наблюдения, воспоминания, ссылки на яркие исторические эпизоды, цитирование поэтических строк, репортажные включения, привлечение притч, анекдотов и т.д. — все входит в эссе.

Основной тип композиционной формы публицистики соответствует причинно-следственным типам связей, характерным для окружающей действительности. В соответствии с этим складывается построение, основанное на логике, и все повествование строится по принципу логической связи и последовательности, когда тема раскрывается линейно, поступательно, с помощью логического рассуждения, основанного на выявлении причинно-следственных связей.

В отличие от статьи все движение материала в эссе, связь между частями целого определяется не логикой, а ассоциациями автора. Отрицая иллюзию о простом и иерархически обоснованном мире, эссеист ставит под сомнение продуктивность дедуктивной связи: «...стиль, которым он создает свою точку зрения, идиоматичный, извилистый и бессвязный, способный вести нас в лабиринте ментальной вселенной писателя» [Routh, 1920, p. 35].

Таким образом, отличительные особенности жанра, вытекающие из соположения в журналистике эссеистики и публицистики, позволяют глубже понять специфику эссе. Комплекс представлений об этих качествах — содержательных, композиционных, лексико-стилистических — позволяет наглядно и предметно представить эссе как тип произведения, отличный от публицистики. Это важно не только в теоретическом, но и в чисто практическом значении. Как и любой вид человеческой деятельности, творчество эссеиста представляет собой процесс, подчиненный представлению о конечном результате. И в этом смысле мысленная модель создаваемого эссе является своеобразным проектом построения публикации, выполняет регулирующую роль. Вот почему в работе над эссе прежде всего необходимо знать природу, конкретные особенности создаваемого произведения.

Список литературы

Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография. М.: Наука, 1973.

Берёзкина В.И. Формирование и пути развития жанра эссе в английской литературе XVII века. Днепропетровск: ДГУ, 1984.

Гинзбург Л.Я. Литература в поисках реальности: Статьи, эссе, заметки. Л., 1987.

Журбина Е. Искусство очерка. М., 1957.

Кайда Л. Эссе: стилистический портрет. М.: Флинта, Наука, 2008.

Коллинз Р. Социология философий. Новосибирск: Наука, 2002.

Магай И.П., Лукина А.В. Эссе в журналистике // Современная пресса: теория и опыт исследования. Ежегодник. М.: Изд-во ВК, 2007.

Поелуева Л.А. Средства массовой информации в культуре переходного периода. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004.

Реснянская Л.Л., Фомичёва И.Д. Газета для всей России. М.: Икар, 1999.

Соломеин А.Ю. Французская национальная гуманитарная традиция: специфика и генезис // Credo new: Теоретический журнал. 2003. № 3.

Adorno T.W. Essay as a Form. N.Y., 1975.

Routh H.. The Origins of the Essays Compared in French and English Literatures // The Modern Language Review. 1920. XV.

Sholes R. Elements of the Essay. L., Toronto, 1989.

Поступила в редакцию
09.07.2013